

ПОЛИТИЯ

Анализ

·

Хроника

·

Прогноз

ПОΛΙΤΕΙΑ

№ 2 (77)

Москва
2015

«ПОЛИТИЯ»

Журнал политической философии и социологии политики
Основан А.М.Салминым в 1996 г.

“POLITEIA”

Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics

Учредители: АНО «Общественно-политический журнал.
Журнал политической философии и социологии
политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»;
Институт научной информации по общественным
наукам РАН

Редакционный совет: Председатель Совета С.И.Каспэ
Заместители председателя Совета:
А.А.Галкин, А.И.Музыкантский
Главный редактор Л.Е.Бляхер

Члены Совета:

Т.А.Алексеева, Ф.Т.Алескеров, И.М.Бунин, Л.А.Галкина (зам.
главного редактора), С.Гельбах (Scott Gehlbach), И.И.Глебова,
Дж.Данн (John Dunn), А.А.Дегтярев, А.Б.Зубов, М.В.Ильин,
С.А.Караганов, В.А.Колосов, Т.Дж.Колтон (Timothy J. Colton),
Ю.Г.Коргунюк, А.И.Кузнецов, Б.И.Макаренко, А.Ю.Мельвиль,
С.В.Михайлов (зам. главного редактора), Д.Мюллер
(Dennis C. Mueller), В.А.Никонов, Х.Нурми (Hannu Nurmi),
Б.С.Орлов, Ю.С.Пивоваров, У.М.Райзингер (William M.
Reisinger), Г.А.Сатаров, Л.-Г.Тайван (Leons Gabriels Taivāns),
Д.Трейсман (Daniel Treisman), М.Ю.Урнов, С.М.Хенкин

Адрес редакции:
117997, Москва,
Нахимовский
проспект,
д. 51/21,
ИНИОН РАН,
к. 302

Телефоны: Ответственный редактор номера Л.А.Галкина

(499) 713-02-64
8-901-183-02-64

Перепечатка материалов издания без письменного разрешения редакции не допускается.

Электронная почта:
politeia@politeia.ru

© АНО «Общественно-политический журнал. Журнал политической
философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника.
Прогноз», 2015

Точка зрения авторов не обязательно совпадает с позицией редакции

Содержание

	Материалы номера _____	5
Российская полития	Л.В.Поляков Электоральный авторитаризм и российский случай _____	6
Российские регионы	Ю.О.Гайворонский Региональные политические режимы в России: концептуальные новации и возможности измерения _____	21
	М.С.Турченко Факторы фрагментации партийных систем российских регионов (2003–2013) _____	38
Политические теории	С.И.Каспэ Еще о понятии политической формы: форма и субъект (Ответ Михаилу Ильину) _____	54
	К.О.Телин Деноминация класса _____	66
Антитеза	Ю.В.Руднев Никколо Макиавелли и «тайное» знание эпохи Возрождения (Как государь может «уподобиться» льву и лисе?) _____	80
Политические культуры	Г.И.Мусихин «Блеск и нищета» политических ритуалов _____	98
Политические партии	А.В.Кынев Внутрипартийная демократия и вмешательство государства в партийную деятельность (Российский случай) _____	110
	Ю.А.Кабанов Пиратские партии: мировые тенденции развития _____	128
Рукописи не горят	Н.С.Розов Методология исследования и онтология исторической динамики кризисов и трансформаций _____	143
Губернаторские чтения	Экономика государства, экономика региона, экономика предприятия: проблемы системной устойчивости (Двадцатые Губернаторские чтения. Тюмень, 11 февраля 2015 г.) _____	169

Приложение	Наши авторы _____	188
	Our authors _____	189
	Abstracts _____	190
	X Конкурс работ молодых политологов на премию А.М.Салмина _____	195
	Правила представления рукописей для публикации в журнале «Полития» _____	196
	Table of Contents _____	198

Статья **Л.В.Полякова** посвящена тестированию гипотезы, согласно которой постсоветскую Россию следует рассматривать в качестве «критического случая» электорального авторитаризма, проливающего свет на истоки силы и слабости этой модели в сравнительной перспективе.

В статье **Ю.О.Гайворонского** предпринята попытка сконструировать операциональную модель региональных политических режимов на основе синтеза ряда новых подходов в сравнительной политологии и политической регионалистике.

По заключению **М.С.Турченко**, несмотря на наличие в первой половине 2000-х годов условий для складывания в РФ региональных партийных систем, решающую роль в их формировании играла исполнительная власть, препятствовавшая появлению партий, способных конкурировать с «Единой Россией».

Отвечая на критические замечания и предложения, высказанные М.В.Ильиным в рамках ведущейся на страницах «Полития» полемики о понятии политической формы, **С.И.Каспэ** протестует против расширительной трактовки этого концепта, настаивая на ограничении его пространственными, в первую очередь центр-периферийными коннотациями.

В статье **К.О.Телина** рассматриваются возможности использования понятия «класс» в современных политических исследованиях, а также потенциально связанные с этим теоретико-методологические затруднения.

Анализируя некоторые концепты языка «Государя», отсылающие к традициям гуморальной медицины, астрологии, симпатической магии и алхимии, **Ю.В.Руднев** приводит аргументы в пользу того, что, говоря об уподоблении лисе и льву, Н.Макиавелли имел в виду не просто подражание их качествам, но определенную «тайную науку» или же «технику себя», как ее понимал М.Фуко.

Проведенное **Г.И.Мусихиным** исследование показывает, что, хотя непосредственное побуждающее воздействие ритуалов есть не более чем «договорная иллюзия» символического воздействия, значение ритуалов для современных сообществ не стоит недооценивать, ибо благодаря своему комплексному характеру они выполняют функцию стабилизации социального порядка.

На основе анализа широкого круга вопросов, связанных с внутренним устройством российских партий и их электоральной активностью, **А.В.Кынев** приходит к выводу, что из принятых в современных демократических странах механизмов, направленных на развитие внутрипартийной демократии, в России фактически используются только вариации на тему праймериз.

Согласно прогнозу **Ю.А.Кабанова**, трансформации пиратского движения продолжатся и станут определяющими для его будущего развития. Не последнюю роль в этом сыграет окончательный выбор пиратов: оставаться ли на радикальных, антиэлитистских позициях или двинуться в сторону медианного избирателя и общей политики.

В статье **Н.С.Розова** развернут ряд методологических и онтологических идей, направленных на интеграцию разделенных до сих пор подходов в социальном познании.

В 2010 г. наш журнал совместно с администрацией Тюменской области приступил к реализации проекта «Губернаторские чтения». В этом номере мы знакомим читателей с отчетом о **Двадцатых чтениях**, посвященных проблемам устойчивости российской экономики на макро-, мезо- и микроуровне.

С.И.Каспэ

ЕЩЕ О ПОНЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ: ФОРМА И СУБЪЕКТ ОТВЕТ МИХАИЛУ ИЛЬИНУ

Распалась связь привычная вещей;
Не держит центр, захвачен мир безвластьем,
На волю вырвался поток кровавой мути,
Все ритуалы очишенья затопив.

Уильям Батлер Йейтс
(пер. Н.Науменко и С.Силаковой)

Ключевые слова: политическая форма, метафора, центр, политический субъект, политический актер

Затеявшаяся на страницах «Политии» дискуссия о понятии политической формы¹, конечно, не спонтанна; учинить ее мы с Михаилом Васильевичем договорились лично и очно. Спор этот, правда, принял неожиданный и неудобный для меня оборот: мои скромные изыскания в интересующей нас обеих области политической науки оказались осыпаны настолько неумеренными похвалами, что я почувствовал себя заключенным в своего рода «золотую клетку». Чтобы двигаться дальше, из нее нужно найти выход; и я вижу его только в том, чтобы решительно взломать ту интеллектуальную конструкцию, в которой невольно оказался заперт. Взлом — иногда необходимое, но всегда грубое действие. Поэтому перед тем, как приступить к делу, я хочу — обязан — выразить глубочайшее почтение к коллеге Ильину. Его труды оказали на меня колоссальное влияние². Однако то представление о научной этике, которое мы оба разделяем и которое нас тем самым объединяет (велик русский язык!), требует сейчас отложить в сторону *этикетные* соображения и далее высказываться без оглядки на них. К чему и приступаю.

Но сначала следует назвать те линии полемики, которые мне кажутся бесперспективными, не ведущими за пределы клетки. Прежде всего, я считаю ненужным вступаться за тех авторов, на чьи исследования я ориентировался (Этьен Балибар, Пьер Манан, Александр Мотиль, Шелдон Уолин, Карл Шмитт и др.), — несмотря на то что они удостоились от Ильина более или менее уничижительных и, на мой взгляд, в основном несправедливых оценок. Да, я по-прежнему полагаю, что мои «фавориты» внесли не меньший вклад в политическую науку, чем

¹ Каспэ [Kaspe] 2012; Ильин [Ilyin] 2014, 2015.

² *И не только труды. Та персональная помощь и, я бы сказал, защита, которой на протяжении 18 лет одаривал меня Михаил Васильевич в ходе всех поворотных событий моей научной биографии, неоценима и неопишуема.*

«фавориты» Ильина (а «в среднем», пожалуй, и больший). Но тут дело вкуса; о вкусах не стоит спорить.

Затем, я не намерен дискутировать с Ильиным по вопросам лингвистическим и этимологическим. Его познания в этих областях неизмеримо шире моих, и если Ильин полагает, например, что латинская *forma* не только не производна от греческой *μορφή*, но и «противостоит» ей³, то мне остается только смиренно принять его суждение как безусловно авторитетное (не забывая, впрочем, о существовании иных и тоже вполне авторитетных точек зрения на этот счет, на которые я и ссылаюсь).

³ Ильин [Пуин] 2014: 61.

Далее, я не хочу вдаваться в обсуждение тонких дистинкций «понятий, метафор и когнитивных схем»⁴ (и тем более «понятийных метафор и метафорических понятий»⁵). Конечно, есть исследовательские цели, для достижения которых эти различия чрезвычайно важны.

⁴ Ильин [Пуин] 2015: 91.

⁵ Там же: 89.

Но я ставил перед собой другие цели, и для их достижения было вполне достаточно оттолкнуться от того основательного положения, что человеческие мысль и язык метафоричны по самой своей природе, что именно «переносы смысла» являются основным способом нашего обращения с реальностью и что, следственно, никакие «циклы тривиализации и детривиализации» терминов и концептов, о которых пишет Ильин, их фатальной метафоричности упразднить не в состоянии.

⁶ Там же: 91.

Я вовсе не впадал в иллюзию «полного и безоглядного воспроизведения метафоры»⁶ как единственно возможного модуса ее функционирования — просто потому, что, не сомневаясь в самом существовании этого и других модусов, совсем их не изучал, не проводил соответствующих градаций. Поэтому выпад Ильина («Подобного рода мыслительные ухищрения являются уловкой разума (*List der Vernunft*), столкнувшегося с непереносимой сложностью и многоликостью мира, с множественностью переходов от действительности к мысли и обратно»⁷), мне кажется, сделан не по адресу — какие уж тут ухищрения? Наоборот, сплошные упрощения.

⁷ Там же: 89.

Причем сознательные — бритва Оккама и так порядком затупилась от редкого использования, а без этого инструмента интеллектуальную гигиену поддерживать трудно. Я уж не говорю об изысканной метафорике концептуализаций самого Ильина, далеко превосходящей ту, на которую я способен. Да вот хотя бы: «...метафоры, а также связанные с ними слова и выражения обыденного языка, научные понятия и термины существуют самостоятельно и живут своей жизнью. Если они и „гибнут“, то скорее как Феникс, который возрождается из пепла, но „помнит“ о своем происхождении и прежних своих воплощениях»⁸.

⁸ Там же: 91.

Или, еще лучше, рассуждение о множестве подвидов «средоточий — ядер, сердец, середин, сердцевин и, наконец, центров»⁹. Не будучи в состоянии ни операционализировать разницу между метафорами, скажем, «сердца» и «сердцевины», ни вообразить такую операционализацию, ни представить себе, для чего она могла бы понадобиться политической науке¹⁰, я использую для обозначения всего этого класса явлений простое слово «центр». Не слишком интересуясь тем, метафорическое ли это понятие или понятийная метафора.

⁹ Там же: 88.

¹⁰ За вычетом разве что дискурсивного анализа — которым, впрочем, ни Ильин, ни я все равно не занимаемся.

Теперь о вещах более важных — о тех моих принципиальных несогласиях с Ильиным, развертывание которых проложит дорогу вон из «золотой клетки». Зачем я с такой настойчивостью ее ищу, зачем так горячусь, когда речь идет о вещах вроде бы предельно отвлеченных и спекулятивных, станет понятно не сразу. Но станет.

Прежде всего я категорически — и категориально — не согласен с предложенной Ильиным модификацией моего определения политической формы. Напомню: в моем понимании политическая форма есть *«интегрированная композиция взаимно комплементарных пространственных метафор власти*, которая в определенных условиях места и времени, для определенной политики (или для ансамбля политий) играет роль одновременно *дескриптивную, аскриптивную и прескриптивную... получающая свое отдельное имя уже в качестве метафоры второго порядка»*¹¹.

¹¹ Каспэ [Kaspe] 2012: 13.

NB! Попутно поясню вызвавший недоумение Ильина и, видимо, действительно не до конца ясный оборот «метафора второго порядка». Он прав: тут имелись в виду скорее «„метафорические“ завершения все новых и новых циклов концептуализации», чем «„абсолютизация“ редуцированной когнитивной схемы»¹². Постепенная сборка, подгонка и приспособление друг к другу *отдельных* метафор, использующихся для указания на *отдельные* аспекты отношений господства-подчинения (а иначе как метафорически на них и не укажешь), со временем приводят к их объединению в более или менее плотно сбитый конгломерат — не вполне однородный, пронизанный внутренними напряжениями, но все же достаточно структурированный и довольно интегрированный. Следующим ходом отыскивается метафора, указывающая уже на конгломерат в целом (и тем самым на ассоциированную с ним политику, тоже в целом). Вот ее-то я и назвал «метафорой второго порядка» — то есть «метафорой метафор», содержащей в себе в свернутом и потому уже не очевидном состоянии более частные переносы смысла (метафоры первого порядка). Их обнаружение требует специальной настройки аналитической оптики и нетривиальных мыслительных процедур (хороший пример такой работы дает недавно изданная по-русски книга Филипа Манова¹³). Однако в политической повседневности люди преимущественно обходятся именно укрупненными смысловыми конгломератами — город vs. империя, империя vs. нация, демократия vs. тирания etc. Таковы — перефразируя название знаменитой книги Джорджа Лакоффа и Майкла Джонсона — political forms we live by. And die for.

¹² Ильин [Ilyin] 2015: 85.

¹³ Манов [Manow] 2014.

Ильин модифицирует это определение следующим образом: «композиция взаимно комплементарных пространственных (а также темпоральных и иных) метафор власти (и не только власти, но также свободы-мира, порядка и т.п.)», поясняя, что «дополнения в основном

¹⁴ Ильин [Ilyin]
2015: 85.

касаются темпоральности и „невластных“ аспектов политики», и полагая, что тем самым делает определение «проще и отчетливей»¹⁴. Не согласен: и не проще, и не отчетливей.

«Невластных» аспектов политики, на мой взгляд, не бывает. Проблема властвования одних людей над другими неустранимо присутствует и в любом политическом действии, и в любом политическом размышлении. Более того, она субстантивна и конститутивна для них обоих. Разве могут вопросы свободы, мира и порядка обсуждаться в отвлечении от проблемы властвования? И разве в политической практике они решаются (или когда-либо решались) в таком отвлечении? Гарольд Лассуэлл — один из тех авторов, которых мы с Ильиным ценим оба. Поэтому приходится напомнить данное Лассуэллом (в соавторстве с Абрахамом Капланом) классическое определение предмета политической науки, то есть политики *per se*: «образование и распределение власти» (*shaping and sharing of power*)¹⁵. Слово «*shaping*» трудно с полной адекватностью перевести на русский; «образование» — неплохой вариант, но его надо читать как «придание образа». То есть *формы*.

¹⁵ Lasswell, Kaplan
1950: XIV.

Что же касается «темпоральности», то настолько радикальное расширение понятия формы до такой степени противоречит базовому, общеупотребительному (на протяжении последних веков и даже тысячелетий) значению слова, что способно полностью обесмыслить его использование в качестве аналитической категории. Безусловно, пространство и время связаны (все в этом мире связано); но мы же не станем приписывать таким словам, как «час» или «век», пространственные коннотации? Не станем отвечать на вопрос «какова форма этой фигуры?» — «полшестого»? Или на вопрос «сколько времени?» — «треугольник»?

Конечно, формы вообще и политические формы в частности текучи, подвижны и изменчивы (кстати, для меня эталонным примером внимательной, чуткой реконструкции их движения остается замечательная книга Ильина¹⁶). Однако я считаю, что тем *процессуальным* факторам, которые на них разнообразно воздействуют (вызывая их консолидацию и эрозию, деградацию и реновацию), лучше оставить статус *независимых* переменных — и сосредоточиться на политической форме как переменной *зависимой*. Может так случиться, что в результате топологических преобразований квадрат превратится в круг (или, скажем, полис в империю, или империя в национальное государство). Но, во-первых, не его квадратность станет *causa formalis* такого превращения, и совершит он его не сам, не собственной волей (ни у квадрата, ни у империи, ни у государства собственной воли нет — она есть только у людей). Новую форму ему придаст *некто* (кто? этим вопросом еще предстоит задаться). Во-вторых, превратившись в круг, квадрат перестанет быть квадратом. И новую форму, которую примет некогда составлявший его субстрат (множество точек), придется описывать и исследовать заново.

¹⁶ Ильин [Ilyin]
1997.

Таким образом, включение в состав понятия политической формы, помимо пространственного смысла (i.e. пространственной мета-

форики), еще и смысла темпорального (i.e. темпоральной метафорики), не говоря уже о загадочных «иных» метафориках, как раз и приводит к той «концептной натяжке» (conceptual stretching, по Джованни Сартори), которая, по мнению самого же Ильина, «увеличивает хождение» понятия... но ценой «утраты четкости»¹⁷. Я очень хотел бы «увеличить хождение» понятия политической формы — но не такой ценой.

Потому что я считаю, что оно может и должно быть операциональным, причем в усиленном понимании этого определителя. Что оно может — а значит, должно — применяться не только в той das Glasperlenspiel, которой мы с наслаждением отдаемся при первой возможности (да и при последней тоже — уже стоя на краю пропасти), но и в поиске ответов на актуальные политические вызовы. И здесь еще один пункт наших принципиальных расхождений с Ильиным.

Ведь хорошо видно, что он использует понятие политической формы преимущественно в целях ретроспекции. Такое направление взгляда само по себе обладает неоспоримой ценностью и автономным достоинством, и я последний, кто станет это отрицать. В конце концов, не случайно, что наша с Ильиным полемика ведется на страницах журнала «Полития», продолжающего труды и занятия передавшей ему свое название Группы ретроспективной и сравнительной политологии¹⁸. Но ретроспекцию все же не следует абсолютизировать, доводить ее до тотального детерминизма в духе Никколо Макиавелли: «...чтобы знать, что должно случиться, достаточно проследить, что было, потому что все происшествия мира имеют всегда соответствующие отношения с теми, которые уже прошли»¹⁹. Не то чтобы Ильин делал буквально то же самое, но склоняется он все-таки в эту сторону.

Его увлекает «тотальная первобытность»: ведь она «охватывает 95% всей истории человечества. Представьте, сколько метаморфоз совершилось за это время в рамках множества относительно изолированных родов-человечеств. Какой потенциал разнообразия форм был выработан! Что на этом фоне суэта последних 4—5 поколений...»²⁰ (Допустим; затруднение и даже, как сейчас принято выражаться, засада в том, что эти увлекательные метаморфозы мы можем именно и только «вообразать», причем совершенно невозбранно — поскольку никаких источников, по которым их можно было бы доказательно реконструировать, в нашем распоряжении нет и не предвидится.) Он обращается к «ностратическим этимологиям» (мирно признавая их «гадательность»²¹). Он уверенно пишет о «первочеловеческом мире», из которого постепенно вызревает «более отвлеченная инстанция авторитета — чудесной порождающей, плодоносной силы... а фактически лишь средоточия циркуляции власти»²²; о «родовом строе» гоминид, еще только предвоявших появление homo sapiens; о «неясных праформах» и «просвечивающих представлениях»; о вожествах (Herrschaft) и патримониумах; о Чжунго и Маурьях; об «отдельных казусах» афинской архе и киевской державы как о затмевающей сознание «злобе дня»... Наверное, достаточно.

¹⁷ Ильин [Puin] 2015: 90.

¹⁸ См. единственный, но очень важный оставленный ею материальный след: *Зубов, Салмин, Тайван [Zubov, Salmin, Taivans] (ред.) 1991.*

¹⁹ Макиавелли [Machiavelli] 1998: 517. *Попутно замечу: как все-таки интересна эта чисто ньютоновская картина мира — за сто с лишним лет до собственно Ньютона, до «Математических начал натуральной философии»! Мы привыкли думать, что науки о человеке следуют за науками о природе и пользуются их открытиями. Похоже, бывает и наоборот.*

²⁰ Ильин [Puin] 2015: 87.

²¹ Там же: 93.

²² Там же: 87.

Все это чрезвычайно интересно и несомненно важно — говорю это совершенно искренне и без малейшей иронии. Однако мой взгляд направлен в другую сторону от точки *hic et nunc*; мой взгляд не ретро-, а проспективен. Меня интересует не только и не столько «откуда мы?», сколько «куда мы идем?». Вот зачем понятию политической формы должна быть придана максимальная операциональность — в, если угодно, *оперативных* целях. Вот почему я протестую против его произвольных расширений, притупляющих это аналитическое орудие. Инструмент должен быть острым. Вот почему я не только отклоняю предложение подсоединить темпоральные аспекты и контексты к понятию политической формы и ограничиваю его пространственными коннотациями, но и остаюсь при своем мнении относительно конфигурации «центр/вертикаль — периферия» как ключевой в ряду пространственных метафор, используемых для указания на конкретные особенности той или иной политической формы и для их различения между собой. Безусловно, таких метафор, обычно носящих бинарный характер, много. Ильин совершенно прав, напоминая о важности оппозиций «верх — низ», «внешнее — внутреннее», «система — среда», «свои — чужие»... Верно; более того, и этот перечень еще не закрыт, в нем как минимум не хватает оппозиции «левое — правое», великолепно исследованной Жаном Лапонсом²³. Но легко видеть, что все названные (подозреваю, что и неназванные тоже) метафоры производны от образа центра, вторичны по отношению к нему. Ось «верх — низ» (то есть *Axis Mundi*) проходит через центр мира или через некую ничем не примечательную точку? Центр вовне или внутри? Среда — внешняя по отношению к системе? Свои — в центре или где-то на горизонте?

²³ Laponce 1981.

Потому что метафора центра — это метафора власти *par excellence*, о чем я подробно писал в первой главе своей книги «Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма»²⁴. Причем власти в самом широком диапазоне ее ипостасей, от «жесткой» власти «легитимного насилия»²⁵ и «реальной возможности физического убийства»²⁶ до «мягкой», символической и символизирующей, но от того не менее действенной власти «номинации как... благословения легитимного видения социального мира»²⁷, власти как «производства истин»²⁸ и «способности придавать некую форму (курсив мой — С.К.) предпочтениям других»²⁹. Снова — в который раз — напоминаю о той восхитительной лапидарности, с которой описывал эту многоликую, но неизменно властную природу центра Эдвард Шилз: «Быть „центром“ означает определять должные объекты ориентаций — путем прямого приказа, рекомендации или олицетворения (*embodiment*). Быть „центром“ означает обладать знанием, которое рассматривается другими как желанное, поразительное или опасное для его обладателя. Быть „центром“ означает быть объектом не только повиновения, но и подражания»³⁰. А значит, и в корпусе политических метафор метафора центра занимает *центральное* во всех смыслах место, и да простится мне эта неуклюжая, но не случайная тавтология.

Но власть по своей природе субъектна.

²⁴ Каспэ [Kaspe] 2007: 11—44.

²⁵ Вебер [Weber] 1990a: 645.

²⁶ Шмимм [Schmitt] 1992: 43.

²⁷ Бурдьё [Bourdieu] 1993: 72.

²⁸ Фуко [Foucault] 2002: 286.

²⁹ Най [Nye] 2006: 31.

³⁰ Shils 1988: 251.

³¹ Фуко [Foucault] 1996: 190.

³² Там же: 192.

NB! Разумеется, если отвергнуть пропагандировавшийся Мишелем Фуко образ «власти без трона»³¹, децентрированной и бесформенной. Что ж, я его отвергаю: по причинам, описанным в той же главе «Центров и иерархий», а पुще и прежде того — прислушиваясь к голосу здравого смысла. Мне кажется, что утверждать, будто «власть — это не некий институт или структура, не какая-то определенная сила, которой некто был бы наделен; это имя, которое дают сложной стратегической ситуации в данном обществе»³², можно либо от полной индифферентности к политическому, порожденной комфортным существованием в башне из слоновой кости, вдали от властных воздействий (что к Фуко вряд ли относится), либо от отчаяния, порожденного как раз чудовишной болезненностью этих непрекращающихся, мучительных воздействий — и невозможностью найти и уничтожить их источник. Как-то само собой приходит на ум стихотворение Гаука, персонажа повести братьев Стругацких «Трудно быть богом», написанное им в предчувствии арканарской резни:

«Теперь не уходят из жизни,
Теперь из жизни уводят.
И если кто-нибудь даже
Захочет, чтоб было иначе,
Опустит слабые руки,
Не зная, где сердце спрута
И есть ли у спрута сердце...»

³³ Фуко [Foucault] 2002: 290.

Но в отчаянии Фуко тоже трудно заподозрить — все, что мы о нем знаем, дезавуирует эту гипотезу, да и он сам ее дезавуировал: «Часто говорилось (и критики ставили мне это в укор), что я, располагая власть везде и всюду, исключаю всякую возможность сопротивления. Как раз наоборот! Я имею в виду, что властные отношения с необходимостью вызывают сопротивление, каждое мгновение взывают к нему, открывают для него возможности»³³. Тут загадка. Не пытаюсь ее разрешить, я все же закончу это отступление продолжением цитаты из Стругацких: «...У спрута есть сердце. И мы знаем, где оно». В центре, конечно.

А если власть субъектна, если ее ключевой метафорой является центр, если субъектом власти является тот, кто находится в центре, и если политическая форма как «интегрированная композиция взаимно комплементарных пространственных метафор власти», играющая роль «одновременно дескриптивную, аскриптивную и прескриптивную», определяется в первую очередь именно специфической метафорикой центра, периферии и вертикали, то... То обрисовывается перспектива операционального (и, повторю, *оперативного*) применения понятия политической формы. Кто, собственно, задает форму? Кто *формирует* политическое? Who shape the power? И *как* он это делает?

Здесь нужно привести довольно обширную цитату из «Центров и иерархий» — чтобы привлечь внимание к одному мимоходом заданному в ней вопросу, на который я тогда так и не попытался ответить и который теперь занимает меня все больше.

«Что значит — иметь центр? Какова, хотя бы в самом общем виде, семантика этого слова, какие смыслы несет оно в себе и внедряет в социальную реальность (или отцеживает из нее)? Словарь Макса Фасмера предлагает следующую генеалогию: „Через нем. Zentrum — то же из лат. centrum от греч. κεντρον “острие (циркуля)”“. Один из лучших этимологических словарей английского языка, The American Heritage® Dictionary of the English Language, уточняет, что κεντρον, в свою очередь, восходит к глаголу κεντεiv — прокалывать, причем морфема kent- отнесена к разряду древнейших индоевропейских корней. Таким образом, понятие „центр“ изначально (по крайней мере, в пределах индоевропейской языковой семьи) содержит некоторые смысловые компоненты, возможно, большей частью латентные, но от того не менее значимые.

Прежде всего: „центр“ есть нечто единичное и при этом, во-первых, окруженное множественностью, во-вторых, производящее ее. Совершаемое циркулем движение очерчивания, выделяющее и ограничивающее фигуру в бесконечной плоскости, *следует за* движением обозначения, намечающим центр будущего круга и делающим возможным его возникновение. Принципиально важно, что одновременно с представлением о центре вводится и представление о вертикали, вторгающейся в плоскость и возвышающейся над ней. Центр появляется в результате воздействия некоей внешней по отношению к плоскости силы, которая помечает своим присутствием единственную точку (что, кстати, позволяет задаться вопросом о критериях ее выбора) — и следующим ходом очерчивает ту совокупность, что будет отныне выступать в качестве порожденной центром и неразрывно с ним связанной периферии»³⁴.

³⁴ Каснэ [Kaspe] 2007: 24.

Вопрос, о котором я говорю, — это, конечно, вопрос о *критериях выбора центральной точки*. Но он повис в воздухе, потому что его имеет смысл адресовать только тому, кто совершает этот выбор. Так кто же держит циркуль? Кто его направляет, кто устанавливает одну его ножку в центр, ipso facto обращающийся из потенциального в актуальный, а другой совершает «движение очерчивания»? Кто определяет режим взаимодействий между центром (который — не надо забывать важную оговорку Шилза — сам представляет собой «целый кластер центров и контрцентров»³⁵), субцентрами и перифериями? Тот, кто это делает, определяет форму; в геометрии — геометрическую, в политике — политическую. Тот, кто это делает, обладает властью установления и конституирования, властью царя, по Эмилю Бенвенисту, то есть властью «отделения внешнего от внутреннего, священного царства от царства профанного, своей земли от чужой»³⁶. И эта власть не просто политическая (хотя политическая тоже); она мета- и супраполитическая, она

³⁵ Shils 1988: 253.

³⁶ Бенвенист [Benveniste] 1995: 252.

предшествует всякой другой политической власти, которая впредь будет осуществляться в назначенных пределах и в положенной форме. Власть *формирующая* в некоторых технических отношениях может уступать более привычной политической власти, действующей уже в рамках определенной формы, — тут я отсылаю к фигуре Законодателя, возможно самой загадочной в политической философии Жан-Жака Руссо, и к ее тонкой интерпретации, предложенной Алексеем Салминым: «„Законодатель“, этот полубог или человекобог, в сущности довольно ничтожная личность, гофмановский „крошка Цахес“, столько же вождь, сколько и раб»³⁷. Впрочем, грань между переменяющей мир *властью установления порядка* и управляющей уже претерпевшим перемену миром, более рутинной *властью поддержания порядка* мыслима лишь аналитически — в реальности она проницаема, причем с обеих сторон. Об этом убедительно свидетельствуют, например, политические биографии таких «отцов-основателей» (Founding Fathers) американской политики, как Джордж Вашингтон, Джон Адамс, Томас Джефферсон, Джеймс Мэдисон, после совершенного ими акта основания возглавлявших и направлявших свое собственное детище уже в гораздо более тесных рамках предписанного конституцией президентского функционала. Или — тоже например — политическая биография Владимира Путина, наоборот, плавно сменившего первоначально предназначавшуюся ему (и исполнявшуюся им) роль хранителя и охранителя худо-бедно сложившегося в первые семь лет после принятия российской Конституции политического порядка на роль его переучредителя (менее *de jure*, более *de facto*, но тем не менее).

³⁷ Салмин [Salmin] 2009: 62.

Спрашивая, кто придает политическому ту или иную форму, я а priori выношу за скобки все неverifiedируемые средствами дисциплинарной (а значит, дисциплинированной) науки ответы. Во-первых, я не верю в какое бы то ни было самодвижение политических конфигураций, в необоримую силу какой бы то ни было традиции, в замкнутые «эволюционные циклы» и «цивилизационные ритмы», будь они неладны³⁸. Мы уже понимаем, что на любой генетический код (да и на любую «духовную скрепу») рано или поздно найдется своя генная инженерия — скажем, опыт двух столь различных корейских политий, равномерно произросших из одной и той же «Страны утренней свежести», свидетельствует об этом с совершенной ясностью. Если *что-то делается*, то это *кто-то делает* — вольно или невольно, рефлексивно или нерефлексивно, автономно или мобилизованно, индивидуально или коллективно, но *делает*.

³⁸ «Эоны» и «хризалиды», которыми избобилуют тексты Ильина, меня тоже смущают.

Единственные акторы истории и политики — это обладающие неотменимой свободой воли человеческие существа. Они действуют то солидарно, то вразброд, равнодействующая их стремлений то слагается в единый вектор таранной мощи, то рассыпается в прах. Но атомарной единицей анализа любой социологии (в том числе социологии политики, которой мы в этом журнале занимаемся) должно остаться веберовское «социальное действие» — то есть «действие человека, <...> кото-

рое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него»³⁹.

³⁹ Вебер [Weber] 1990б: 602—603.

Во-вторых, я — по причинам, экспликация которых стала бы и неуместной, и излишней, — не отрицаю in toto возможности провиденциальных вмешательств в человеческую жизнь вообще и в ее политическое измерение в частности. Однако орудием Провидения все равно становятся исключительно человеческие существа, совершающие определенные (пусть даже отчасти предопределенные) социальные действия — которые, следовательно, все равно находятся в ведении социальных и политических наук. Да, 12 коршунов показали над Палатином, а над Авентином — только шесть. Да, это было небесное знамение будущего центра, caput mundi, arx Romani Imperii⁴⁰. Но провел священную борозду (pomergium), убил Рема и основал Рим, то есть проколол (κεντείν) и перекроил ткань человеческого мира по меньшей мере на 12 веков вперед, именно Ромул, а никак не коршуны и не те (тот), кто их послал. И это были вполне социальные действия, совсем по Макс Веберу.

⁴⁰ Конечно, тут я, как обычно, исхожу из теоремы Томаса: «Если ситуация определяется как реальная, она реальна по своим последствиям» (Thomas W.I., Thomas D.S. 1928: 571—572).

А еще важно принять в расчет, что субъекты, акторы (и индивидуальные, и коллективные) не только создают политические формы, но и разрушают их. Возможно, для того чтобы воздвигнуть новые; возможно, и не преследуя никаких других целей, кроме разрушения (причем и разрушение старой политической метафоры, и конструирование новой, конечно, далеко не только дискурсивные действия, их цена — кровь и кости). Не то чтобы я полностью разделял панический страх Шелдона Уолина, который внушили ему надвигающиеся на Запад «бесформенные формы» власти (formless forms)⁴¹; и я даже не до конца понимаю, что он имел в виду и как мыслим настолько безликий ужас. Бывают и такие формы, которые хуже бесформенности, и их очертания делаются все отчетливее. Но в любом случае следует помнить и воспринимать как *исследовательский вопрос* последние строки стихотворения Йейтса, первая строфа которого стала эпиграфом к этой статье: кто тот «Зверь, чей пробил час теперь, / Грядет на Вифлеем, чтобы родиться»? И что он предпримет, родившись, какими ресурсами воспользуется? Сколько еще времени осталось тем политическим формам, в которых мы сейчас живем, и что придет им на смену? Видимо, операционализация понятия политической формы необходимо требует обращения к проблематике политической субъектности — и нужна прежде всего для ее прояснения (впрочем, et vice versa).

⁴¹ Wolin 2004: 559.

Я бесконечно благодарен Ильину за то, что он направил мои размышления в эту сторону. Я полагаю, что наша полемика оказалась полезна, поскольку прояснила и различия в наших воззрениях на политическую форму, и их, воззрений, обоюдную комплементарность. Я не опровергаю построения Ильина; я просто думаю по-другому и в другой перспективе. Именно политическая субъектность — соположенная понятию политической формы — станет предметом моих дальнейших изысканий.

Библиография

- Бенвенист Э.** 1995. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. — М. [Benveniste É. 1995. Slovar' indoevropskikh social'nykh terminov. — М.].
- Бурдьё П.** 1993. Символический порядок и власть номинации // Бурдьё П. *Социология политики*. — М. [Bourdieu P. 1993. Simvolicheskij porjadok i vlast' nominacii // Bourdieu P. Sociologija politiki. — М.].
- Вебер М.** 1990а. Политика как призвание и профессия // Вебер М. *Избранные произведения*. — М. [Weber M. 1990a. Politika kak prizvanie i professija // Weber M. Izbrannye proizvedenija. — М.].
- Вебер М.** 1990б. Основные социологические понятия // Вебер М. *Избранные произведения*. — М. [Weber M. 1990b. Politika kak prizvanie i professija // Weber M. Izbrannye proizvedenija. — М.].
- Зубов А.Б., Салмин А.М., Тайван Л.Л.** (ред.) 1991. *Ретроспективная и сравнительная политология*. Вып. 1. — М. [Zubov A.B., Salmin A.M., Taivans L.L. (red.) 1991. Retrospektivnaja i sravnitel'naja politologija. Vyp. 1. — М.].
- Ильин М.В.** 1997. *Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий*. — М. [Ilyin M.V. 1997. Slova i smysly: Opyt opisanija kljuchevykh politicheskikh ponjatij. — М.].
- Ильин М.В.** 2014. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (I) // *Полития*. № 4 [Ilyin M.V. 2014. Al'ternativnye politicheskie formy v istoricheskikh vremenakh i civilizacionnykh prostranstvakh (I) // Politeia. № 4].
- Ильин М.В.** 2015. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (II) // *Полития*. № 1 [Ilyin M.V. 2015. Al'ternativnye politicheskie formy v istoricheskikh vremenakh i civilizacionnykh prostranstvakh (II) // Politeia. № 1].
- Каспэ С.И.** 2007. *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. — М. [Kaspe S.I. 2007. Centry i ierarkhii: prostranstvennye metafory vlasti i zapadnaja politicheskaja forma. — М.].
- Каспэ С.И.** 2012. О понятии политической формы // *Полития*. № 4 [Kaspe S.I. 2012. O ponjatii politicheskoy formy // Politeia. № 4].
- Макиавелли Н.** 1998. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макиавелли Н. *Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия*. — Ростов-на-Дону [Machiavelli N. 1998. Rassuzhdenija o pervoj deкаде Tita Livija // Machiavelli N. Gosudar'. Rassuzhdenija o pervoj deкаде Tita Livija. — Rostov-na-Donu].
- Манов Ф.** 2014. *В тени королей: Политическая анатомия демократического представительства*. — М. [Manow Ph. 2014. V teni korolej: Politicheskaja anatomija demokraticeskogo predstavitel'stva. — М.].
- Най Дж.** 2006. *Гибкая власть: Как добиться успеха в мировой политике*. — Новосибирск [Nye J. 2006. Gibkaja vlast': Kak dobit'sja uspekha v mirovoj politike. — Novosibirsk].

Салмин А.М. 2009. *Современная демократия: Очерки становления и развития*. — М. [Salmin A.M. 2009. *Sovremennaja demokratija: Oчерki stanovlenija i razvitija*. — М.].

Фуко М. 1996. *Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности*. — М. [Foucault M. 1996. *Volja k istine: Po tu storonu znani-ja, vlasti i seksual'nosti*. — М.].

Фуко М. 2002. Власть и знание // Фуко М. *Интеллектуалы и власть*. Ч.1. — М. [Foucault M. 2002. *Vlast' i znanie* // Foucault M. *Intellektualy i vlast'*. Ch.1. — М.].

Шмитт К. 1992. Понятие политического // *Вопросы социологии*. № 1 [Schmitt C. 1992. *Ponjatje politicheskogo* // *Voprosy sociologii*. № 1].

Laponce J.A. 1981. *Left and Right: The Topography of Political Perceptions*. — Toronto.

Lasswell H.D., Kaplan A. 1950. *Power and Society: A Framework for Political Inquiry*. — New Haven, L.

Shils E. 1988. Center and Periphery: An Idea and its Career, 1935 — 1987 // Greenfeld L., Martin M. (eds.) *Center: Ideas and Institutions*. — Chicago, L.

Thomas W.I., Thomas D.S. 1928. *The Child in America: Behavior Problems and Programs*. — N.Y.

Wolin S. 2004. *Politics and Vision: Continuity and Innovation in Western Political Thought*. — Princeton, Oxford.

шолтиа

НАШИ АВТОРЫ

Гайворонский Юрий Олегович — аспирант кафедры сравнительной политологии, преподаватель департамента политической науки НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Лаборатории региональных политических исследований НИУ ВШЭ.

Кабанов Юрий Андреевич — преподаватель департамента прикладной политологии Санкт-Петербургской школы гуманитарных и социальных наук НИУ ВШЭ.

Каспэ Святослав Игоревич — доктор политических наук, профессор департамента политической науки НИУ ВШЭ, председатель Редакционного совета журнала «Полития».

Кынев Александр Владимирович — кандидат политических наук, доцент департамента политической науки НИУ ВШЭ, эксперт Комитета гражданских инициатив.

Мусихин Глеб Иванович — доктор политических наук, профессор департамента политической науки НИУ ВШЭ.

Поляков Леонид Владимирович — доктор философских наук, профессор департамента политической науки НИУ ВШЭ.

Розов Николай Сергеевич — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск).

Руднев Юрий Владимирович — аспирант Школы исторических наук НИУ ВШЭ.

Телин Кирилл Олегович — кандидат политических наук, научный сотрудник факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова.

Турченко Михаил Сергеевич — преподаватель департамента прикладной политологии Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук НИУ ВШЭ, аспирант НИУ ВШЭ.